

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193703-718>

Исследовательская статья

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Россия;
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
shihaliev74@mail.ru

К РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ДАГЕСТАНСКОГО УЧЕНОГО-АРАБИСТА И КАВКАЗОВЕДА М.-С. САИДОВА

Аннотация. Статья посвящена реконструкции биографии крупного филолога и историка, основателя дагестанской школы востоковедения М.-С. Саидова (1902–1985). Получив блестящее исламское образование, в годы советской власти М.-С. Саидов прошел путь ученого-лингвиста и историка, что отражено в многочисленных автобиографиях, написанных им в период с 1948 по 1973 г. В статье приводится анализ некоторых источников, которые реконструируют биографию М.-С. Саидовым. Автором использован сопоставительный анализ автобиографий Саидова с различными видами эго-документов, написанными им на арабском языке. Реконструкция фактов биографии М.-С. Саидова также дополняется альтернативными источниками, в том числе доносом на него, опубликованном в местной газете в 1937 г., а также воспоминаниями его дочери Рабият Саидовой. Анализ источников показывает, что некоторые факты своей биографии, вероятно по политическим соображениям, М.-С. Саидов предпочел скрыть в автобиографии. Скрыл М.-С. Саидов и свое отношение к событиям периода Гражданской войны в Дагестане, когда его родное селение Геничутль было подвергнуто карательной акции за предполагаемую поддержку антисоветского мятежа Наджмуддина Гоцинского (1920–21 гг.). Будучи арестованным органами НКВД в середине 1930-х гг. и чудом избежав репрессий, М.-С. Саидов был вынужден скрывать некоторые эпизоды своей жизни. Они описаны М.-С. Саидовым в кратких воспоминаниях на арабском языке, а также в арабоязычных стихах. Автор приходит к выводу, что арабский язык в эго-документах М.-С. Саидова служил для него средством выражения эмоций. В статье показано, что арабоязычные документы М.-С. Саидова с точки зрения биографической достоверности и полноты выражения его убеждений и эмоций являются наиболее ценными.

Ключевые слова: Магомед-Саид Саидов; автобиографии; эго-документы; Геничутль; антисоветский мятеж Гоцинского; арабский язык; поэзия; эмоции

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш. К реконструкции биографии дагестанского ученого-арабиста и кавказоведа М.-С. Саидова // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 703-718. doi.org/10.32653/CH193703-718

© Шихалиев Ш.Ш., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193703-718>

Research paper

Shamil Sh. Shikhaliev,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia;
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
shikhaliev74@mail.ru

RECONSTRUCTING THE BIOGRAPHY OF M.-S. SAIDOV: A DAGESTAN ARABIST AND CAUCASIAN SCHOLAR

Abstract. The article focuses on the reconstruction of the biography of a prominent philologist and historian, M.-S. Saidov (1902–1985), who laid the foundation for the Dagestan school of oriental studies. Despite his excellent Islamic education, M.-S. Saidov's journey as a linguist and historian during the Soviet era is a complex narrative, which is evident in numerous autobiographical writings spanning from 1948 to 1973. The author of article undertakes an analysis of select sources that contribute to the biographical reconstruction of M.-S. Saidov. Utilizing a comparative approach, the author assesses M.-S. Saidov's autobiographies in conjunction with various types of ego-documents authored by him in Arabic. Additional sources, including a 1937 newspaper denunciation and memoirs from his daughter, Rabiya Saidova, supplement the biographical reconstruction. Notably, the analysis of these sources reveals that, likely for political reasons, M.-S. Saidov chose to conceal certain aspects of his life in his autobiographies. One such concealed aspect concerns M.-S. Saidov's experiences during the Civil War in Dagestan, particularly the punitive measures taken against his native village, Genichutl, due to alleged support for the anti-Soviet rebellion of Nadzhmuddin Gotsinsky (1920–21). Arrested by the NKVD in the mid-1930s and narrowly escaping repression, M.-S. Saidov found it necessary to withhold specific episodes from his life. These hidden stories are recounted in M.-S. Saidov's succinct Arabic memoirs and poetry. This article posits that, for M.-S. Saidov, the Arabic language served as a medium for the expression of his emotions. It underscores the significance of Arabic-language documents within the context of biographical authenticity and the complete articulation of his beliefs and sentiments. Ultimately, these Arabic-language documents emerge as invaluable resources in understanding the life and experiences of M.-S. Saidov.

Keywords: Magomed-Said Saidov; autobiographies; ego-documents; Genichutl; Gotsinsky's anti-Soviet rebellion; Arabic language; poetry; emotions

For citation: Shikhaliev Sh.Sh. Reconstructing the Biography of M.-S. Saidov: a Dagestan Arabist and Caucasian Scholar. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 703-718. doi.org/10.32653/CH193703-718

© Sh.Sh. Shikhaliev, 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Эго-документы, включающие в себя автобиографии, дневники, воспоминания, личные письма, хранящиеся в частных архивах, являются основными источниками для воссоздания картины субъективности личности. В эго-документах мы можем «услышать» голос человека. В широком поле источников, представленных в личных архивах, можно также увидеть, как, например, через описание тех или иных событий в мемуарах, или через описание биографий других лиц, субъект хотел бы видеть себя, или же напротив, каким бы он бы видеть себя не хотел [1, с. 14].

С точки зрения критики источников, автобиографии, дневниковые записи могут вызвать сомнение в их объективности. Очевидно, что о некоторых неприглядных деталях своей жизни авторы мемуаров могли просто умолчать [2, с. 205]. В частности, в автобиографических дневниках, родители, описывая свои взаимоотношения с детьми, редко писали о том, что они наказывали их физически [1, с. 23]. Вместе с тем, такое игнорирование фактов в подобных источниках не говорит об их нерепрезентативности, поскольку умалчивание в автобиографии тех или иных фактов может также свидетельствовать об определенном взгляде автора, который видит эти факты своей жизни негативными и поэтому умалчивает. Подобное «умалчивание», отражение эмоций и рефлексия по отношению к тем или иным событиям – важные моменты в самопрезентации субъекта.

Изучая семейные архивы, исследователи иногда сталкиваются с противоположными сведениями в «повествовании о себе», отраженными в различных видах эго-документов. Воссоздать наиболее реальную биографию личности возможно, если имеются дополнительные источники, хранящиеся в том же самом архиве.

В данной статье реконструируется биография крупного дагестанского арабиста и кавказоведа М.-С. Саидова (1902–1985) путем сравнения автобиографий ученого и эго-документов его частного архива. Несомненно, в научной литературе биография М.-С. Саидова уже была отражена в работах ряда исследователей. [3, с. 163–169; 4, с. 11–22; 5, с. 72–74; 6]. Вместе с тем, эти исследователи обращались к официальной биографии М.-С. Саидова, пропустив некоторые его эго-документы. Последние же показывают, что его официальная биография не всегда соответствует тому, что писал М.-С. Саидов в своих воспоминаниях.

Богатый архив М.-С. Саидова, включает в себя рукописи, письма, воспоминания, рабочие дневники, исследования ученого по вопросам истории и филологии, и другие документы. Они раскрывают личность Саидова в разных аспектах – как ученого-богослова, отца, мужа, востоковеда, филолога, историка.

Работая в Институте истории, языка и литературы ДФ АН АССР более 40 лет, М.–С. Саидов, в контексте бюрократического документооборота написал несколько автобиографий, немного отличающихся друг от друга дополнениями о профессиональной деятельности. Сопоставление этих автобиографий с другими видами эго-документов позволяет более детально реконструировать его биографию и объяснить почему Саидов в своей официальной автобиографии умолчал о некоторых фактах своей жизни.

Автобиографии М.-С. Саидова

Самая первая его автобиография была написана в 1948 г. и отражает сухую информацию о его жизни (стиль, орфография и пунктуация сохранены – Ш.Ш.).

«Я, Саидов Магомед Саид, родился в 1902 году в семье крестьянина-бедняка селения Гиничутль Хунзахского района Дагестанской АССР. Родители мои занимались до революции и после революции крестьянством. Их хозяйство было бедняцким. Отец мой умер в 1919 году от тифа. Мать живет на моем иждивении.

Я сам начал учиться (с 1910 г.) по-арабски и учился до 1921 года. С мая 1921 года я поступил секретарем отдела народного образования Аварского округа, одновременно работал учителем советского полка Хунзахского гарнизона.

В мае 1922 года Аварский наробраз командировал меня в г. Буйнакск на учительские курсы, по окончании которых в августе 1922 года я поступил в Дагестанский пед[агогический]техникум. Продолжал там учиться до апреля 1924 года, когда был оттуда по болезни. После того начал работать учителем Гимринской школы (с мая 1924 по 1 августа 1925 г.). Приехавший летом 1925 года на учительские курсы, я поступил корректором 1-ой гостипографии 1 января 1926 года. Корректором я работал непрерывно до 1 февраля 1931 года, откуда я перешел в редакцию областной газеты «Знамя социализма» на аварском языке ответственным секретарем (1931–1932).

Затем меня назначили с 1932 года по 1936 (28 августа) редактором аварской секции Дагестанского государственного издательства. С августа 1936 г. по 30 августа 1937 г. я учился в г. Пятигорск в аспирантуре в историко-лингвистическом институте при Северо-Кавказском Крайкоме ВКП(б) и с 1 сентября 1937 по 31 декабря 1940 г. продолжал учебу в аспирантуре Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (московское отделение Академии Наук СССР) и защитил кандидатскую диссертацию.

С февраля 1941 года работал ст. научным работником Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Во время Великой Отечественной войны в связи с консервацией института меня перевели в Дагестанский радиокомитет редактором вещания до 1.1.1943 г.

С 1/1–1943 по 1/1–1945 года работал замдиректором Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы по научной части.

С 1/1 1945 года состою докторантом Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии Наук СССР.

В области педагогической работы: работал преподавателем дагестанских языков в Дагпединституте 1934, 1935, 1941, 1942, преподавателем арабского языка в Московском институте востоковедения и в аспирантуре Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии Наук СССР 1945–1946 учебного года.

С 1 сентября 1946 года по февраль 1948 г. работаю завкафедрой арабского языка Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова. 23.4.1948»¹.

1. Автобиография М.-С. Саидова (1948 г.) // Личный архив Рабият Саидовой. № 27. Л. 1а-3а

С небольшими дополнениями и изменениями подобные автобиографии, хранящиеся в настоящее время в архиве его дочери Рабият, М.-С. Саидов писал в 1950, 1957, 1968, 1973 годах.

По сути, данная автобиография представляет собой обычный бюрократический документ, стандартный для любого советского учреждения [7, с. 107–127]². Наличие такого количества автобиографий М.-С. Саидова объясняется, вероятно, проводимой аттестацией сотрудников академических институтов, когда в числе других необходимых документов, исследователям нужно было предоставить и автобиографии.

Детальное сравнение текстов всех автобиографий позволяет разделить их на две группы – те, которые были написаны в сталинский период, и те, что были написаны в уже в период «хрущевской оттепели» и в период руководства страной Л.И. Брежневым (1964–1982).

В первом случае М.-С. Саидов более подробно пишет о своем крестьянском происхождении, акцентируя внимание на тяжелых условиях жизни. Он также отмечает, что в силу крайне бедственных материальных условий, отец его был вынужден работать по найму землекопом. Здесь же Саидов подчеркивает, что рано потерял отца, и чтобы прокормить семью также был вынужден работать по найму³.

Одновременно с этим, в биографии этого периода М.-С. Саидов пишет о своем обучении арабскому языку одним предложением. Причем в его повествовании акцент делается именно на язык, а не на обучение исламским наукам, что было характерно для системы исламского образования. Очевидно, что в сталинский период, чудом избежав репрессий 1930-х гг., М.-С. Саидов опасался обратить внимание органов безопасности на этот факт своей биографии и не стал описывать его подробно. Конечно, наличие исламского образования Саидова не было ни для кого секретом, и он это прекрасно понимал. Тем не менее, в автобиографиях, написанных в сталинский период, он ограничился упоминанием об этом одной фразой.

Часть биографии, касающейся обучения арабскому языку, в более поздних автобиографиях, написанных уже после смерти И.В. Сталина, М.-С. Саидов несколько расширяет: *«С детства (1910 г.) я начал учиться по-арабски и продолжал учебу до 1920 года. Учился я в разных дагестанских аулах у разных ученых. Большой перерыв я сделал в учебе в 1918 г. в связи со смертью отца. Затем к началу 1919 г. опять продолжил учебу по-арабски»*.⁴

Очевидно, что после середины 1950-х гг. М.-С. Саидов мог уже не опасаться репрессий. Более того, начиная с середины 1950-х гг., в Дагестане началось активное изучение исламской литературы, были организованы ежегодные экспедиции по локализации, приобретению и изучению исламских коллекций [8, с. 203–216; 9, с. 101–113]. В это время в отделе востоковедения уже работали выпускники восточного факультета Ленинградского государственного университета – Амри Шихсаидов (1928–2019), Хулатта Омаров (1937–2007), Александра Козлова (род в 1937 г.). Ввиду этого М.-С. Саидов подробнее написал в своих более поздних автобиографиях о своем обучении арабскому языку, что в середине 1950-70-х гг. шло в русле советского академического востоковедения.

2. Кинев С.Л. Советские автобиографии, написанные при трудоустройстве как исторический источник (на материале 1930-х – начала 1940-х гг.) // Интерактивное образование. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://www.io.nios.ru/articles2/108/15/sovetskie-avtobiografii-napisannye-pri-trudoustroystve-kak-istoricheskii-istochnik>

3. Автобиография М.-С. Саидова (1950 г.) // Личный архив Рабият Саидовой. № 82. Л. 1а.

4. Автобиография М.-С. Саидова (1973 г.) // Личный архив Рабият Саидовой. № 79. Л. 1а.

Насколько же эти по факту одинаковые автобиографии соответствуют реальной биографии М.-С. Саидова? Несомненно, они весьма сжатые, сухие, лаконичные. В них не отражается субъективный взгляд автора на события, процессы в рамках своего понимания и рефлексии на окружающую картину мира. Кроме того, как мы это увидим ниже, в подобных автобиографиях часто присутствует искажение или скрывание нелицеприятной, по мнению самого автора, информации, что было преднамеренным, поскольку писались они в условиях тоталитарного советского государства. Очевидно, что подобные автобиографии читались соответствующими ответственными органами – либо партийными, либо работниками КГБ. Ввиду этого часто перед авторами подобных автобиографий стояла задача максимально «очистить» свою биографию, показав свою лояльность существующей власти.

Сопоставительный анализ автобиографий М.-С. Саидова с другими дополнительными биографическими источниками, в том числе и эго-документами, позволяет более детально реконструировать историю его жизни, показав тем самым факты из его жизни, о которых он умолчал или искажил.

Реконструкция биографии М.-С. Саидова

Основными источниками, позволяющими реконструировать его биографию, являются некоторые фрагментарные записи воспоминаний самого М.-С. Саидова, и даже донос на него, опубликованный в 1937 г в местной авароязычной газете. Сопоставление его официальной биографии с реконструкцией его биографии на основе этих источников позволяет проследить то, что написал, искажил или скрыл М.-С. Саидов в повествовании о себе.

В своей официальной автобиографии М.-С. Саидов не упомянул, что был потомственным ученым-богословом в пятом поколении, о чем рассказывала мне его дочь Рабият. На самом деле, это устное сообщение Рабият подтверждается несколькими арабоязычными письменными источниками. Так, дагестанский ученый Назир ад-Дургили в одной из своих работ приводит биографию деда М.-С. Саидова, называя его «Сайид, сын Муртада'али, сын кадия Умара, по прозвищу «Махадада» из Гиничутля», перечисляя его учеников и отмечая, что он был верховным кадием (*кади ал-кудат*) Аварского округа (*нахийя Аваристан*) и скончался в 1314 / 1896 г⁵. Кроме того, в своих в кратких воспоминаниях (*тазкира*), М.-С. Саидов пишет, что когда он познакомился с Али Каяевым, тот рассказал Саидову о его деде Махадада, отзываясь о нем как о крупном ученом.⁶

Самого М.-С. Саидова при рождении назвали в честь его деда, и все родственники и близкие друзья знали его больше по имени «Махадада», что отражено в письмах, адресованных Саидову.

Социальное происхождение М.-С. Саидова, о котором рассказывала Рабият, тщательно скрываемое им в русскоязычных автобиографиях, косвенно подтверждается анонимным доносом на него, опубликованным 24 октября 1937 г. в аварской газете «Большевик Гор». В нем сообщается, что настоящее имя М.-С. Саидова, которого в га-

5. Назир б. Мухаммад ад-Дургили. *Тараджим 'улама' ад-дагистанийин* // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН (Здесь и далее – ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН); ФМС. Оп. 5. № 509. Л. 6б. Даная рукопись является черновиком более известного произведения Назира ад-Дургили «Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан».

6. Мухаммад-Саид Саидов. *Тазкира* // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС. Оп. 5. № 73, л. 4а.

зете называют «буржуазным националистом», Махадада. Что он был муллой в своем родном селении, а в селениях Кафыр-Кумух, Кумторкала и Ирганай преподавал в медресе. Более того, в газете указывается, что отец и дед М.-С. Саидова тесно сотрудничали с имперской администрацией. В частности, анонимные авторы статьи, подписавшиеся в газете как «колхозники», пишут, что дед М.-С. Саидова Махадада служил кадием в имперском окружном суде и по его вине некоторые жители, высказывавшие открытое неповиновение начальнику округа, были высланы в Сибирь, где и погибли. В частности, анонимные авторы доноса на М.-С. Саидова пишут: *«Магомед Саид Саидов был отправлен в сел. Гимры для открытия школы. Однако, он бросил эту работу и отправился в Кумторкалинский район и в сел. Кумторкала в 1923–24 году был мударрисом. Теперь этот буржуазный националист скрывает свое настоящее имя Махадада, меняет свое имя и фамилию и поступает на работу в Даг просвещение. Его родители были при царе у начальника округа судьями... Неужели никто не знал, что Саидов в сел. Геничутль был муллой? Не было ни для кого секретом, что он был учеником знаменитого Могохского арабиста Масхуда (сослан 1930 году) и назывался мужтаидом. Он в сел. Кафыр-Кумухе, Кумторкале и Иргане служил мударрисом. Он служил в банде Гоцинского, боролся против большевиков и вместе с бандой Гоцинского отступил до Цумады и потом, поменяв имя и фамилию, пошел работать в советские школы...»*⁷.

М.-С. Саидов начал свою учебу в 1910 г., в возрасте неполных 8 лет. И, судя по сложившейся в Дагестане традиции, свое начальное обучение он получил у своего отца Джамалуддина, который также был образованным человеком и работал имамом мечети в селении Геничутль. В большинстве случаев своих учителей М.-С. Саидов нигде не называет. Однако, из некоторых его писем, написанных в 1920-е годы, известно, что в их числе был дагестанский ученый-джадид Мас'уд из с. Могох (1893–1941), с которым он в дальнейшем поддерживал дружеские отношения. Очевидно, что авторы вышеупомянутой газетной статьи были хорошо осведомлены о биографии Саидова, указав его настоящее имя Махадада и ученичество у Мас'уда.

Весь 1917-й год М.-С. Саидов обучался в соседнем, расположенном в 3 километрах от родного дома, селении Цада, у дагестанского поэта Гамзата Цадаса, который в 1917 г. преподавал исламские науки в своем доме [10, с. 123–128]. В последующем Саидов поддерживал близкие отношения с Гамзатом Цадаса и даже переводил с аварского на русский язык некоторые его стихотворения.

В рамках своего обучения М.-С. Саидов прошел весь тот курс системы исламского образования, который был характерен для Дагестана конца XIX – начала XX века [11, с. 593–624].

После небольшого перерыва в 1918 г. М.-С. Саидов с поздней осени 1919 г. по конец декабря 1920 г. продолжил свое образование под руководством дагестанского ученого-реформатора Али ал-Гумуки (Каяева, 1878–1943), с которым он поддерживал тесные дружеские отношения вплоть до ареста последнего.⁸

В сентябре 1920 г. в Дагестане вспыхнул антисоветский мятеж, который охватил ряд регионов Нагорного Дагестана, в том числе и родной М.-С. Саидову Аварский

7. «До конца выкорчевать корни буржуазных националистов» // Газета «Большевик гор». 24 октября 1937 г. (на аварском языке).

8. Мухаммад-Саид Саидов. *Тазкира* // Л. 4а-4б.

Рис. 1. Слева направо: Народный поэт ДАССР Гамзат Цадаса (1877-1951) и М.-С. Саидов (1902-1985). Фотография была снята в Москве, куда Гамзат Цадаса был приглашен для вручения ему ордена Трудового Красного Знамени, а М.-С. Саидов, обучавшийся в то время в аспирантуре, был его переводчиком с аварского на русский язык. Фото из личного архива Рабият Саидовой

Fig. 1. From left to right: Poet of the DASSR Gamzat Tsadasa (1877-1951) and M.-S. Saidov (1902-1985). The photo was taken in Moscow, where Gamzat Tsadasa was invited to receive the Order of the Red Banner of Labor, and M.-S. Saidov, who was studying at that time as a doctor candidate, was his translator from Avar into Russian. Photo from the personal archive of Rabiyyat Saidova

округ.⁹ Боевые действия, связанные с подавлением этого восстания, продолжались вплоть до мая 1921 г. М.-С. Саидов упоминает, что в конце 1920 г., после обучения у Али Каяева, он решил вернуться на родину, в свое родное село. Однако, все дороги были перекрыты, как он пишет, «из-за мрачных событий», очевидно, из-за военных действий, связанных с подавлением мятежа Гоцинского. Он был вынужден гостить и одновременно продолжил учебу у своего земляка – некоего Раджаба, который исполнял обязанности кадия в селении Маали, куда смог добраться Саидов.¹⁰ Эта вынужденная остановка в селении Маали, вероятно, спасла ему жизнь, о чем свидетельствуют события, происходившие в это время в его родном селении, куда он так и не смог попасть.

В феврале 1921 г. небольшой отряд воинов Гоцинского тайно пробрался через селение Геничутль в крепость Арани, где был расквартирован отряд красноармейцев и уничтожил их караул. Командир этого гарнизона Красной Армии А.И. Тодорский (1894–1965) подозревая жителей Геничутля в соучастии, поручил своему комиссару Нажмуддину Самурскому¹¹ осуществить карательные действия в отношении жителей

9. Мятеж Наджмуддина Гоцинского против советской власти продолжался с сентября 1920 по май 1921 г. Более подробно см.: [13]

10. Мухаммад-Сайд Саидов. *Тазкира* // Л. 46-5а.

11. Нажмудин Самурский (1891–1938) – крупный дагестанский политический деятель. Председатель Центрально-

Геничутля. Селение было подвергнуто артиллерийскому обстрелу и последующей зачистке: все мужское население старше 15 лет было убито, само селение разграблено, а женщины и дети изгнаны на три месяца [14, с. 20–26]¹². М.-С. Саидову повезло, что он не смог вернуться в селение, поскольку в это время ему было 19 лет и маловероятно, что карательные отряды красноармейцев оставили бы его в живых. В своих арабоязычных воспоминаниях он с болью упоминает события в Геничутле и пишет, что по возвращении он был вынужден заняться сельским хозяйством¹³.

В этих воспоминаниях выявляется один факт, который Саидов тщательно скрывал. Вопреки тому, что М.-С. Саидов пишет в своей русскоязычной биографии об отце, как об умершем от тифа в 1918 г., в арабоязычных воспоминаниях он отмечает, что отец его погиб в 1921 г., когда случилась трагедия в Геничутле. В частности, он отмечает, что был очень впечатлен тем, как арабский поэт и писатель Фуад ал-Хатиб¹⁴ выразил в своих стихах боль утраты отца, проведя в этом параллель между арабским поэтом и собой. Вынужденный скрывать обстоятельства смерти отца, М.-С. Саидов также цитирует стихи ал-Хатиба, отмечая, что «лишен возможности рассказать о свободе» и не может рассказать всей правды, связанной с гибелью отца. Этот факт его биографии не упомянут ни в одном из источников, кроме арабоязычных воспоминаний ученого.

Рефлексия Саидова на трагические события в Геничутле в феврале 1921 г. отражена также его стихах.

Стихотворение начинается с выражения скорби, плача по поводу произошедшего события. В частности, он пишет:

*«Пусть рыдают справедливость, разум, доброта,
Пусть плачут богобоязненность, достоинство, аскетизм и знания¹⁵,
Мечеть пуста, не осталось ни муаззина, ни кадия.
Сколько же книг, драгоценностей знаний, в клочья разорваны!
И это разрывает в клочья сердце мое и умирает иллюзия¹⁶
[Сколько] почтенных героев, мужей постигла несправедливость!
Сколько храбрецов легли в свои могилы!
Но приобрели они успех, счастье, почет и уважение!¹⁷
... Среди них – тот, кто отличался величием¹⁸.
Он достиг высот в науках, так что с ним не мог никто соперничать,
Но случилось то, что случилось,
Так что зарыдал даже бесчувственный камень!*

го Исполнительного Комитета Дагестана (1921–1928), член Экономсовета в Совнарком РСФСР в г. Москве (1929–1931 гг.). Первый секретарь Дагестанского областного комитета ВКП(б) (1934–1937 гг.). В 1937 году был арестован органами НКВД и был расстрелян 1 августа 1938 г. 2 июня 1956 г. он был реабилитирован. См.: [13].

12. О погибших в этих событиях в с. Геничутль см.: [15, с. 256–258].

13. Мухаммад-Саид Саидов. *Тазкира*, л. 5б.

14. Фуад Хасан б. Йусуф ал-Хатиб (1880–1956) – ливанский поэт, журналист, общественный и политический деятель Ближнего Востока первой пол. XX в.

15. В данном стихотворении М.-С. Саидов персонифицирует родное село, выражая крайнюю степень скорби по поводу трагических событий, случившихся в селении, когда вместе с гибелью селения пропала и честь, и справедливость, и доброта, присущие жителям этого селения.

16. Вероятно, имеется в виду иллюзия душевного благополучия, счастливой жизни, которую он видит в знаниях. Уничтожение книг в мечети он сравнивает с гибелью своей мечты о душевном благополучии.

17. М.-С. Саидов имеет в виду, что убитые красноармейцами жители обрели покой, став мучениками и обретя счастье в потустороннем мире и уважение в этом и потустороннем мире.

18. В глоссах Саидов пишет имя «Мухаммад, сын Бийбулата», то есть, жителя Геничутля, кого он выделяет среди погибших героев.

*Смерть стала его итогом!
А моя элегия оплакивает его.
Также и львенок, мой господин, учитель времени,¹⁹
Счастливей мученик (шахид), господин,
Украшение знаний.
Он был подобен падающей звезде,
Обрушивающейся на врагов,
И наставляя людей на праведный путь,
Он был подобен звезде!
Его путь – это воздаяние [от Аллаха]
И возвышенное положение [в потустороннем мире]²⁰.
Я вас обоих поздравляю, о мои два господина,
С тем, что вы нашли свой удел у Аллаха,
Где нет хитрости и злобы, а есть черноокие [гурии].
И бедствие, что случилось с вами,
Указывает на то, что нет в эту эпоху мира.
И такие деяния не прекращаются,
Так что продолжают нападения
на невинных и безгрешных [на людей]²¹!
Человек терпелив и сдержан
По отношению к тому вреду²², что они приносят,
Однако, если вред будет возрастать,
То невозможно будет оставаться терпеливым.
Несомненно, каждый, кто совершает любые деяния,
Найдет свой удел у Аллаха,
Мы все вернемся к Аллаху и повиновение Ему – обязательно!
Пятничный день напомнил мне о том, что [здесь] произошло.
Я написал эту историю, и глаза мои изливают слезы,
И я поздравляю всех вас, кто стал мучеником (шахидом).
Конец».²³*

Это самое раннее из известных поэтических произведений М.-С. Саидова, написанное им в возрасте 19 лет. Стихотворение начинается с восклицания скорби, плача. В своем повествовании М.-С. Саидов часто возвращается в прошлое, отмечая заслуги и достоинства людей, которых он потерял, и выражая любовь и былую гордость за свое селение. Подобно тому, как скорбят по поводу погибшего человека, со смертью которого остались в прошлом положительные качества, Саидов также пишет, что все эти персонифицированные добродетели с гибелью селения также погибли.

19. В глоссах М.-С. Саидов пишет: «Я имею ввиду Мухаммада, сына Хаджияв Дибера». Учитывая, что Саидов называет его «мой эфенди», вероятно этот Мухаммад в свое время обучал Саидова. Этот ученый числится в списке геничутлинцев, убитых красноармейцами под номером 11. См. [15, с. 256].

20. Имеется ввиду, что упомянутый М.-С. Саидовым персонаж вел праведную жизнь в этом мире и ему уготовано воздаяние и высокое положение в потустороннем мире.

21. Здесь, очевидно, что Саидов обвиняет красноармейцев в содеянном, отмечая, что они уничтожили невинных людей и не перестают это делать.

22. Имеется ввиду несправедливость по отношению к безвинно пострадавшим.

23. Мухаммад-Саид Саидов. *Марсийа* // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС. Оп. 5. № 720. Л. 2б-3а. Перевод с арабского на русский язык Ш.Ш. Шихалиева.

М.-С. Саидов заходит в мечеть и видит там раскиданные на полу, разорванные в клочья исламские книги. Относясь в те и последующие годы с большим пиететом к литературе в целом, взаимодействуя с литературой на эмоциональном уровне, он сокрушается о причинах такого вандализма. Можно сказать, что для него книги – это одушевленные предметы, он сравнивает свое сердце с ними, и подобно тому, как эти книги изорваны в клочья, он пишет, что также разорвано и его сердце.

Далее, он сокрушается что нет ни муаззина, ни кадия. Это также очень важный момент для него: слышать пятикратный призыв на молитву, совершать пятничную молитву – это привычный уютный мир, в котором он рос, который окружал его с детства. Саидов понимает, что привычный мир рушится, и он в растерянности. Осознав, что возврата к старому привычному миру нет, он пишет: «и умирает иллюзия».

Далее, он скорбит по поводу смерти двух своих учителей, которые были убиты красноармейцами. Следуя традициям написания арабских *марсийа*, которые выражают траурную похвалу покойному, достоинства которого ушли вместе с ним, Саидов описывает положительные черты покойных учителей оставшимися в прошлом, как и добрую историю разоренного ныне родного села. Очевидно, что ученые были убиты в ходе карательной акции, поскольку М.-С. Саидов называет их «мучениками» за веру (*шахид*). Он радуется за них, что они закончили свою земную жизнь, полную злобы и ненависти, и перешли в иной мир, где нет пороков общества. М.-С. Саидов полагает, что они обретут высокое место в Раю. Он оставляет все на суд Аллаха, отмечая, что те, кто совершает плохие деяния в этом мире, после смерти будут держать ответ за свои действия перед Аллахом, так что расплата за совершенные злодеяния неминуема.

Очевидно, что эти стихи он написал в состоянии сильного эмоционального потрясения и переживания. Здесь мы видим горечь, скорбь по погибшим, недоумение, сожаление, радость о лучшей доле в потустороннем мире, терпение и надежду на справедливость в потустороннем мире. Ничего подобного ни на русском, ни на аварском, он никогда позже не писал.

Любопытно и отношение Саидова к Наджмуддину Гоцинскому (1859–1925) – известному религиозному и политическому деятелю Дагестана первой четверти XX в. [12; 16, с. 72–91; 17].

Как рассказывает Рабият, Наджмуддин Гоцинский приходился ей родственником со стороны матери Хабият и со стороны отца. В частности, мать Гоцинского, кумычка из селения Нижний Дженгутай,

Рис. 2. Хабият (Хабибат) Саидова (1900–1975), жена М.-С. Саидова.

Фото из личного архива Рабият Саидовой

Fig. 2. Khabiiat (Khabibiat) Saidova (1900–75), wife of Muhammad-Saiyid Saidov.

Photo from the private archive of Rabiit Saidova

которую звали Хабият, и мать жены Саидова были кузинами. Более того, саму жену М.-С. Саидова при рождении назвали в честь матери Наджмуддина Гоцинского.

Отцом Наджмуддина был аварец из селения Гоцоб Мухаммад Доного, предки которого были выходцами из соседнего с Геничутлем селения Хунзах [18, с. 21]. По ее словам, М.-С. Саидов некоторое время даже работал в его библиотеке, которую хорошо знал, о чем свидетельствует как история, рассказанная Рабият Саидовой, так и некоторые рукописи из коллекции М.-С. Саидова, подтверждающие рассказ Рабият. Так, в 1922 г. М.-С. Саидов, будучи секретарем народного образования Аварского округа, получил в сельском исполкоме два мешка зерна на семью – матери и себе. Проходя мимо рынка в Хунзахе, он обратил внимание на арабоязычные книги, выставленные на рынке на продажу местным жителем. Среди них М.-С. Саидов обнаружил сборную рукопись из библиотеки Гоцинского, куда были включены стихи последнего. Продавец книг запросил за эту рукопись мешок зерна, и М.-С. Саидов, не раздумывая, согласился²⁴. Эта рукопись в настоящее время хранится в коллекции М.-С. Саидова²⁵.

Позже М.-С. Саидов купил еще одну рукопись со стихами Гоцинского, переписанную в 1929 г., через 4 года после расстрела автора. Поскольку Гоцинский считался главным противником советской власти в Дагестане, было опасно хранить его наследие. Опасаясь доносов и арестов, и в то же время не желая уничтожить рукопись со стихами Гоцинского, М.-С. Саидов просто стер все указания на авторство в рукописи²⁶. В более поздний период М.-С. Саидов переписал отдельные стихи Гоцинского из этого сборника, на этот раз указав автора²⁷. По словам Рабият, Саидов восхищался творчеством Гоцинского как поэта, и говорил ей, что по стилю, содержанию, структуре и глубине стихов, равного ему среди дагестанских поэтов не было. В одном из своих писем И.Ю. Крачковскому, М.-С. Саидов отправил ему переписанные им стихи Гоцинского, подписав авторство стихов как «один из аварских поэтов», скрывая имя автора, который был врагом советской власти.²⁸

О родственных связях и контактах М.-С. Саидова с Гоцинским было хорошо известно окружению Саидова, что дало возможность его недоброжелателям написать вышеуказанный донос. Анонимные «колхозники» вероятно, хорошо знали о родстве М.-С. Саидова с Гоцинским.

Несмотря на то, что М.-С. Саидов восхищался поэтическим творчеством Гоцинского, в политических вопросах он, как и его учителя Али Каяев и Мас'уд из Могоха, был его политическим противником, и потому не воевал в его отрядах. Позже, в 1923 г. М.-С. Саидов, так же как и Мас'уд из Могоха участвовал в съезде мусульманских ученых Дагестана, организованном советским правительством, где была вынесена резолюция с осуждением мятежа Гоцинского [19, с. 25–31]. Примечательно, что в списках делегатов этого съезда М.-С. Саидов значится как «Махадада Геничутлинский». В своих арабоязычных воспоминаниях он пишет, что получил приглашение и принял участие в этом съезде. Во время проведения этого съезда, он вместе со своим другом остановился на ночь в гостях у накшбандийского шейха Хабибуллаха Кахибского

24. Интервью с Рабият Саидовой. Махачкала, 17 июля 2020 г.

25. Наджм ад-Дин б. Доногоно б. Хамзат ал-Хуци. Диван ан-Наджм. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС, оп. 1, № 92б.

26. Сборная рукопись арабоязычных произведения дагестанских авторов. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС, оп. 1, № 66.

27. Стихотворения и поэмы Наджмуддина Гоцинского. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС, оп. 1, №№ 66, 94б; оп. 5, №№ 37, 41, 193, 294, 405, 406.

28. Интервью с Рабият Саидовой. Махачкала, 17 июля 2020 г. Черновик этого письма М.-С. Саидова И.Ю. Крачковскому, датированный 1938 г., хранится в личном архиве Рабият Саидовой.

(ал-Кахи, ум. в 1924 г.) и даже написал стихи на арабском об этом шейхе.²⁹ Впрочем, этот факт своего участия в съезде, несмотря на то что он был направлен на поддержку советской власти, в русскоязычной автобиографии М.-С. Саидов все же предпочел скрыть. Очевидно, что М.-С. Саидов опасался излишнего внимания органов советской власти к своему участию в этом съезде, поскольку многие из его делегатов, в том числе и один из его организаторов – шейх Хасан ал-Кахи (1852–1937), впоследствии были репрессированы.

Вернувшись домой, он целый год оставался в родном селении, восстанавливал разрушенный дом и занимался сельским хозяйством. Учитывая, что селение Геничутль опустело, М.-С. Саидов смог вернуться домой в Геничутль не раньше мая 1921 г. Во всяком случае, в одной из своих автобиографий М.-С. Саидов пишет, что в мае 1921 г. он был назначен органами советской власти секретарем Отдела народного образования Хунзахского округа³⁰.

В конце 1922 г. он отправляется в Буйнакск, где поступает на педагогические курсы, организованные советским правительством. В своей русскоязычной биографии М.-С. Саидов пишет, что по окончании педагогических курсов, он был направлен отделом аварского народного образования работать учителем и директором советской школы в селении Гимры с мая 1924 по август 1925 г, где преподавал тюркский язык. Однако, одновременно с преподаванием в советской школе, он также обучал детей в местной мечети исламским наукам. Этот факт М.-С. Саидов тщательно скрывал во всех русскоязычных автобиографиях. Вместе с тем, в арабоязычных своих воспоминаниях он пишет, что в селении Гимры четверо учеников, имена которых он приводит, обучались у него в мечети арабскому языку. Он читал им книгу по праву «*Канз ар-рагибин шарх Минхадж ат-талибин*» Джалал ад-Дина ал-Махалли и по теории мусульманского права «*Шарх Джам' ал-джавами'*» того же автора³¹. В период репрессий 1930-х гг., когда многие друзья, соратники и учителя Саидова были расстреляны или сосланы в лагеря, он предпочел скрыть этот фрагмент своей биографии и решил написать о нем только в период «хрущевской оттепели» на арабском языке.

Работая в советских школах в середине 1920-30 гг., где он преподавал тюркский, аварский языки и литературу, М.-С. Саидов начал разрабатывать новую орфографию: вначале для перехода с арабской графики на латиницу, а затем, с конца 1920-х гг. – на кириллицу.

В контексте стремления джадидов к развитию родных языков и преподаванию на них, М.-С. Саидов начинает активно работать в этой области. В этом отношении деятельность джадида М.-С. Саидова по развитию аварского языка и интересы советской власти в развитии национальной литературы и культуры полностью совпали. Он принял активное участие в составлении и редакции произведений на аварском языке. В одной из своих автобиографий М.-С. Саидов пишет о том, что был привлечен советскими органами для «проверки партийной и советской литературы, издаваемой на аварском языке; для составления проекта нового алфавита на основе русской графики, а также принимал активное участие в разработке и составлении правил орфографии аварского языка»³². В 1930-х гг. он издает десятки учебников для

29. Мухаммад-Саид Саидов. Тазкира, л. 3б.

30. Автобиография М.-С. Саидова (1973 г.) // Архив Рабият Саидовой. № 79.

31. Мухаммад-Саид Саидов. Тазкира // Л. 3а.

32. Автобиография М.-С. Саидова (1957 г.) // Архив Рабият Саидовой. № 42.

Рис. 3. Слева направо: могилы сестры М.-С. Саидова Патимат, самого М.-С. Саидова и его жены Хайбат. Кладбище поселка Тарки. Фото автора

Fig. 3. The graves (from left to right) of Patimat, Muhammad-Saiyid and Khabiat. Photograph by the author. Tarki, August 2015

школ по аварскому языку, грамматике аварского языка, хрестоматии аварской литературы. В это же время, в середине 1930-х гг. М.-С. Саидов был арестован органами по стандартному для того времени обвинению в контрреволюционной деятельности. Проведя более двух месяцев в тюрьме, он был выпущен на свободу. Этот факт его биографии не был отражен нигде – ни в официальных его биографиях, ни в арабоязычных воспоминаниях. Об этом эпизоде его жизни знают его самые близкие – дочь Рабият и внук Джамал.³³ После освобождения из под ареста М.-С. Саидов был направлен на учебу в Историко-лингвистический институт в г. Пятигорске. Дальнейшая его биография в целом совпадает с тем, что он вкратце писал в автобиографии, отмечая свою научную карьеру, оставив после себя русско-аварский [20] и аварско-русский [21] словари, а также ряд научных работ в области истории и языкознания.

Скончался М.-С. Саидов 24 ноября 1985 г. и был похоронен на кладбище поселка Тарки, расположенном в пригороде Махачкалы, рядом с могилой жены Хабият.

33. Интервью с Рабият Саидовой. Махачкала, 17 июля 2020 г.

Заключение

Таким образом, это всего лишь некоторые штрихи к реконструкции биографии М.-С. Саидова. На самом деле, сравнение автобиографий Саидова с эго-документами, хранящимися в его архиве, рисуют более многогранную картину его жизни, чем это отражено в его официальной автобиографии или в воспоминаниях его коллег. Вместе с тем, полное освещение жизни и творчества этого крупного мусульманского ученого, советского историка и языковеда, основателя Сектора восточных рукописей в Институте истории, языка и литературы выходит за рамки одной статьи. Здесь мы обозначили всего лишь некоторые эпизоды его жизни, которые разительно отличаются от его автобиографии. В целом можно говорить, что анализ эго-документов, хранящихся в частных архивах, позволяет по-новому взглянуть на личность, уточнить не только фактические стороны его жизни, но и показывают более комплексную, сложную, иногда парадоксальную картину жизни индивидуума. На примере жизни М.-С. Саидова можно говорить о том, что несмотря на все перипетии своей судьбы в советский период, все же он до конца жизни оставался полностью лояльным Советской власти. Более того, именно Советская власть предоставила М.-С. Саидову широкие возможности для реализации себя как крупного ученого-лингвиста и языковеда. Именно в советский период М.-С. Саидов имел возможность реализовать свои интересы, свое профессиональное творчество, оставаясь как мусульманским ученым, крупным специалистом по арабской поэзии, так и не менее известным лингвистом и историком. Очевидно, что и сам Саидов это прекрасно понимал. И как следует из анализа его творчества, М.-С. Саидов органично сочетал в себе исламскую и советскую традицию, успешно находя баланс между этими двумя эпистемами.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. The article was written within the framework of the Russian Science Foundation Project No. 22-18-00295 “Electronic Library of Arabographic Manuscripts from Archival, Library, Museum and Private Collections in Russia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rudolf Dekker.* Jacques Presser's Heritage: Egodocuments in the Study of History, in: *Memoria y Civilización* 5 (2002) 13-37, 14;
2. *Elithabeth Hafkin Pleck.* Domestic tyranny: the making of social policy against family violence from colonial times to the present. New York: Oxford University Press, 1987, 205.
3. *Шихсаидов А.Р., Гамзатов Г.Г.* Магомедсаид продолжается (к 15-летию со дня кончины выдающегося ученого-дагестановеда, арабиста, востоковеда) // *Вестник Дагестанского научного центра РАН.* 2006. №6. С. 163–169.
4. *Гамзатов Г.Г., Шихсаидов А.Р.* Магомедсаид Саидов – выдающийся востоковед // *Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А.* Каталог арабских рукописей. (Коллекция

REFERENCES

1. *Rudolf Dekker.* Jacques Presser's Heritage: Ego documents in the Study of History. *Memoria y Civilización.* 2002; 5: 13-37.
2. *Elithabeth Hafkin Pleck.* *Domestic tyranny: the making of social policy against family violence from colonial times to the present.* New York: Oxford University Press, 1987.
3. *Shikhsaidov AR., Gamzatov GG.* Magomedsaid continues (to the 15th death anniversary of an outstanding Daghestani scholar, Arabist, orientalist). *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN.* 2000, (6): 163-169. (In Russ.)
4. *Gamzatov GG., Shikhsaidov AR.* *Magomedsaid Saidov – an outstanding orientalist.* Makhachkala, 2005: 11-22. (In Russ.)

М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005. С. 11-22.

5. Исаев А.А. М.-С. Саидов – основоположник исследования истории зарождения письменности на языках народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. №2. С. 72-74.

6. Гаджиев А.-Г.С. Магомед-Саид Джамалудинович Саидов – крупный ученый, арабист, языковед, литературовед. Махачкала, 2008.

7. Зарецкий Ю. Моя жизнь для государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. 3(157). С. 107–127.

8. Shikhsaidov A.R. “Arabic historical studies in twentieth-century Dagestan,” *The Heritage of Soviet Oriental Studies*, ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. London & New York: Routledge, 2011. P. 203-216.

9. Бобровников В.О. К эпистемологии восточной археологии в Дагестане: от мусульманского краеведения к источниковедению // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие, перспективы изучения (к 80-летию профессора М.А. Усманова), под ред. Д.М. Усмановой, Д.М. Мустафина, Кемпера. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. С. 101-113.

10. Магомед-Саид Саидов. Муталим об учителе // Гамзатов Г.Г., Спивак Е.В. Воспоминания о Гамзате Цадасе: 1877-1951. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1991, с. 123-128.

11. Michael Kemper, Shamil Shikhaliev “Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Dagestan”. *Asiatische Studien*, 2015. 69(3). P. 593-624.

12. Доного Хаджи Мурад. Наджмуддин Гоцинский. Махачкала: ДГПУ, 2011.

13. Ханбабаев К.М. Наджмуддин Самурский (Эфендиев) – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала: Народы Дагестана, 2007.

14. Нурмагомедов М. Дагестанское Сонгми // Ахульго. Махачкала, 2002. № 1. С. 20–26.

15. Айтберов Т., Хипизов Ш. МагIарулалъ хъварал тарихиял асарал. Махачкала: Алеф, 2016. С. 256–258.

16. Naira E. Sahakyan “A Local Face of Revolution: The Confrontation of the Dagestani ‘Ulamā’ over Najm al-Dīn Gotsinsky’s Imamate and the Russian Revolutions of 1917,” *Revolutionary Russia* 35: 1 (2022), 72-93;

17. Naira E. Sahakyan. *Muslim Reformers and the Bolsheviks: The Case of Dagestan*. London & New York: Routledge, 2022.

18. Хаджи Мурад Доного. Джихад и политика Наджмуддина Гоцинского. Махачкала: Эпоха, 2022.

19. Хаджи Мурад Доного. Съезд в Кахибе. 1923 год // Газават. 2013. № 1. С. 25-31.

20. Саидов М.С. Русско-аварский словарь. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1951.

21. Саидов М.Д. Аварско-русский словарь. М: Советская энциклопедия, 1967.

5. Isaev AA. M.-S. Saidov as the founder of the study of the history and the origin of writing of the Dagestani vernaculars. *Vestnik Instituta istorii, arkeologii i etnografii*. 2006; 2: 72-74. (In Russ.)

6. Gadzhiev A-GS. *Magomed-Said Dzhamaludinovich Saidov as a prominent scholar, arabist, linguist, and literary critic*. Makhachkala, 2008. (In Russ.)

7. Zaretskii Yu. My life for the state: the mass practice of compiling office autobiographies by Soviet people. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019; 3(157): 107-127. (In Russ.)

8. Shikhsaidov AR. Arabic historical studies in twentieth-century Dagestan. In: Michael Kemper, Stephan Conermann (eds.). *The Heritage of Soviet Oriental Studies*. London & New York: Routledge, 2011: 203-216.

9. Bobrovnikov VO. On the epistemology of eastern archaeology in Dagestan: from Muslim local lore to source studies. “*The Turko-Muslim World: Identity, Legacy and Research Perspectives*. In Honor of Professor M.A. Usmanov” (27th–29th May 2014) D.M. Usmanova, D.M. Mustafina, M. Kemper (eds.). Kazan, 2015: 101-113. (In Russ.)

10. Magomed-Said Saidov. Motalim about his teacher. In: G.G. Gamzatov, E.V. Spivak, *Vospominaniia o Gamzate Tsadase: 1877-1951*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1991: 123-128. (In Russ.)

11. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Dagestan. *Asiatische Studien*. 69(3): 593-624.

12. Donogo Khadzhi Murad. *Nadzhmuddin Gotsinskii*. Makhachkala: DGPU, 2011. (In Russ.)

13. Khanbabaev KM. *Nazhmuddin Samursky (Efendiev) as a prominent socio-political and statesman of Dagestan*. Makhachkala: Narody Dagestana, 2007. (In Russ.)

14. Nurmagomedov M. Dagestani Songhmi. *Akhulgo*. Makhachkala, 2002; 1: 20-26. (In Russ.)

15. Aitberov T., Khapizov Sh. *Ma'arulal khvaral tarikhial asaral*. Makhachkala: Alef, 2016. (In Avar.)

16. Naira E. Sahakyan. A Local Face of Revolution: The Confrontation of the Dagestani ‘Ulamā’ over Najm al-Dīn Gotsinsky’s Imamate and the Russian Revolutions of 1917. *Revolutionary Russia*. 2022, 35(1): 72-93.

17. Naira E. Sahakyan. *Muslim Reformers and the Bolsheviks: The Case of Dagestan*. London & New York: Routledge, 2022.

18. Donogo Khadzhi Murad. *Jihad and the politics of Najmuddin Gotsinskii*. Makhachkala: Epokha, 2022. (In Russ.)

19. Donogo Khadzhi Murad. Congress in Kakhib. 1923. *Gazavat*. 2013; 1: 25-31. (In Russ.)

20. Saidov M.S. *Russian-Avarian dictionary*. Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1951.

21. Saidov MS. *Avarian-Russian dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsyklopedia, 1967.

Поступила в редакцию 12.05.2023 г.

Принята в печать 07.08.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 12.05.2023

Accepted 07.08.2023

Published 15.09.2023